

З.Г. Сактаганова

*Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова
(E-mail: zauresh63@mail.ru)*

К 100-летию национально-освободительного движения: о причинах восстания казахов 1916 года

На основе документальных материалов проведен анализ причин национально-освободительного движения 1916 г. в Казахстане. Среди них в качестве основных выделены аграрная и переселенческая политика Российского государства в национальных окраинах; ухудшение социально-экономического положения коренного населения, увеличение налогов в ходе Первой мировой войны; разложение системы российского управления (областного и губернского уровня), злоупотребления и взяточничество чиновников; указ о реквизиции от 25 июня 1916 г., формы и методы его реализации.

Ключевые слова: история Казахстана XX в., национально-освободительное движение казахов, 1916 г., причины восстания 1916 г.

В историографии национально-освободительного движения 1916 г. можно выделить три среза научных публикаций (принципиальное отличие этих групп работ, прежде всего, в теоретико-методологических конструкциях и концептуальных подходах): работы советских историков, зарубежных исследователей и современных казахстанских авторов. В советской историографии восстание 1916 г. казахстановедами рассматривалось как составная часть революционного движения по свержению самодержавия [1]. Существовала устоявшаяся оценка характера восстания как антиколониального, антиимпериалистического и антифеодального. В рамках доминирования формационного подхода, когда локомотивом истории считалась классовая борьба, не учитывались специфические особенности регионов, национальное своеобразие расстановки классовых сил. Как верно отмечал академик М.К.Козыбаев, по существу отрицалась самостоятельность национально-освободительного потока революционного движения [2]. В российской историографии последнего десятилетия исследователи все чаще одной из основных причин событий 1916 г. называют внешние факторы (деятельность немецкой, турецкой агентуры и т.п.) [3]. Считаем, что игнорировать эти обстоятельства полностью не следует, однако вряд ли они составили тот основной детонатор, который и вызвал «грозный» 1916 г. В 2015–2016 гг. прошли конференции, посвященные 100-летию движения 1916 г. Одними из первых на постсоветском пространстве такую конференцию организовали на историческом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова. На такого рода научных форумах поднимался новый пласт сюжетов, при обсуждении которых становилось понятным, что несмотря на достаточно длительную историю исследования, многие проблемы до сих пор находятся на стадии разработки.

В современной казахстанской историографии доминирует концепт о том, что национально-освободительное движение 1916 г. (в советской историографии его называли «восстанием») было не отдельным, единичным протестным движением, а частью национально-освободительного движения в Казахстане в период XVIII – начала XX вв. [4] На наш взгляд, нельзя не согласиться с данным тезисом. Несмотря на значительные позитивные интеграционные процессы, происходившие в Казахской степи после присоединения к России, имели место и серьезные негативные последствия: изъятие земель у казахов-кочевников, изгнание их в глубь Степи, передача земель переселенцам, другие жесткие методы колонизации. Соответственно, и в XVIII, и в XIX вв. в Казахстане происходили крупные национально-освободительные движения, носившие антиколониальный характер. События 1916 г. являются, на наш взгляд, неотъемлемым звеном в данной цепи национально-освободительных движений.

По первой Всероссийской переписи 1897 г. в Казахстане численность казахского населения составляла почти 82 %, но в Крае уже проживали около 60 этносов, т.е. 18 % составляли представители других этносов. С 1906 по 1915 г. в переселенческие районы Степного края прибыли 580587 чел., причем были учтены лишь души мужского пола [5]. В результате переселенческой политики России к 1916 г. в Казахстан были переселены около 1 млн российских крестьян. В 1917 г. вследствие активизации переселения удельный вес казахского населения уменьшается до 76 %, неказахское население, соответственно, увеличивается до 24 %. Полиэтничность казахстанского общества была реаль-

ностью уже более двух веков, поэтому казахи и русские, украинцы и узбеки, татары и немцы в оседлых регионах достаточно мирно жили рядом друг с другом. В степных же, кочевых районах доминировало казахское скотоводческое население. Восприятие российской администрацией местного населения происходило как «туземцев» (именно этот термин и использовался в официальных материалах), хотя юридически с 1731 г. казахи были такими же российскими подданными, как русские, белорусы, башкиры, татары и др. А ограничения не только в правах, но и в возложенных на них обязанностях (например, непривлечение их на воинскую службу) говорило об «определенном недоверии» к этим подданным. Точек взаимодействия у местного и переселенческого населения было множество: торговля и хлебопашество, ремесло и домашние промыслы. Нечастые, но все же были и межнациональные браки. Отношения между коренным казахским населением и переселенцами не носили характера перманентной войны.

Однако общественно-политическая ситуация в Киргизском крае в начале XX в. (именно так обозначалась территория степных областей Казахстана в данный период) становилась все более напряженной. И это напряжение усилилось в период столыпинской аграрной реформы. Главной проблемой в противостоянии являлась земля. Наиболее плодородные пастбища вдоль рек, где кочевали казахи, изымались Переселенческим управлением, кочевники вытеснялись в глубь Степи, в засушливые бесплодные районы, и это вызывало протест не только против власти, но зачастую и против казачества и крестьян-переселенцев, расселявшихся в этих районах. Генерал-губернатор Туркестанского края А.В.Самсонов еще в 1913 г. докладывал начальнику Главного штаба Н.П.Михневичу, что «...наша окраинная политика последнего времени, ...стремящаяся к насаждению русского элемента на землях киргизских кочевий, является, тем не менее, одной из главнейших причин того недовольства киргиз (казахов. — З.С.), о котором ныне столь много говорят». И далее А.Самсонов констатирует методы этой политики: «прежде всего русская колонизация насаждается за счет «излишков киргизских земель», то есть киргизам остаются лишь самые необходимые для их пастушеского быта пространства, а остальное отбирается в так называемый «переселенческий фонд»... При таком изъятии «излишков» киргизских земель не дается никаких гарантий, что киргизов данного района не будут беспокоить... Благодаря этому у кочевников явилась полная неуверенность в завтрашнем дне и из года в год растущее недовольство русскими властями. В столкновениях с новоселами виноваты обычно сами новоселы, от которых больше всего и достается киргизам» [6; 91].

Но несмотря на достаточно реалистичную оценку текущей ситуации, туркестанский генерал-губернатор ошибается в своих прогнозах, говоря, что «...семиреченские киргизы, в 800-тысячную массу коих вкраплено уже 200 тысяч русских крестьян и казаков, отлично сознают свое бессилие и едва ли рискнут на какие бы то ни было выступления, сопряженные с крайним воздействием и с потерей прав на землю» [6; 91].

Национальная интеллигенция считает социально-экономическое и политическое положение казахского кочевого населения более катастрофическим. Описывая ситуацию в Крае, А.Букейханов в статье «Киргизы», опубликованной в 1912 г., говорит, что «киргизская степь покорно несла беззакония, глубоко затаив ненависть и злобу» в ответ на массовое изъятие казахских земель [7; 75]. М.Тынышпаев, оценивая осуществление аграрной политики в казахских областях и прогнозируя ситуацию, пишет: «Правительство отбирает все новые и новые участки, туземное население фактически лишается удобных земель, годных для пастбищ и земледелия... Земельный вопрос у киргизов — безусловно самый важный; при дальнейшем отбирании земель и пренебрежении к их интересам уже нельзя будет ручаться за спокойствие» [8; 25]. Инженер Тынышпаев в своих прогнозах оказался более прав, чем генерал-губернатор, понимая, что наступает предел терпению казахов. По цитатам из работ национальной интеллигенции становится понятно, что ситуация в Казахской степи накаляется и достаточно какого-либо повода, как накопившиеся «ненависть и злоба» прорвутся. А положение казахов, их настроение, латентные угрозы «покорной» стабильности означенные выше авторы знали достаточно хорошо. Анализируя ситуацию в Крае и причины восстания 1916 г., обратимся к источникам, где зафиксированы мнения совершенно полярных по мировоззрению и положению свидетелей и очевидцев данных событий: представителей национальной интеллигенции (А. Букейханов, М.Тынышпаев) и представителя российской власти (ротмистр отдельного корпуса жандармов В.Ф.Железняков). Этот анализ продемонстрирует тождественность мнения совершенно разных сторон о причинах движения 1916 г.

Весьма четко об ухудшении ситуации, усилении напряжения к началу XX в. (в сравнении с двумя десятилетиями ранее) говорит в своих показаниях на имя Туркестанского генерал-губернатора

инженер М.Тынышпаев. Не идеализируя российскую политику в Крае во второй половине XIX в., представитель национальной интеллигенции, тем не менее, отмечает, что период управления в Семиречье генералом Г.А.Колпаковским и в Туркестане генерал-адъютантом К.П.Кауфманом был относительно благополучным, выделяет эти десятилетия как отдельную эпоху, когда местная российская администрация решала проблемы коренного казахского населения. Он считает, что «ожидания киргизской массы оправдались: прежние внутренние войны и связанные с ними беспорядки и бедствия прекратились, русские власти оказались справедливы. После бесконечных войн киргизы мирно занялись скотоводством, а вскоре же и хлебопашеством, а за первый период русского управления краем общее благосостояние населения стало подниматься» [9; 31].

М.Тынышпаев не занимал в данный период управленческих должностей в государственном аппарате, его трудно заподозрить в прорусских настроениях. Тем больше доверия вызывает характеристика, данная им губернатору Колпаковскому. Он говорит об открытии Колпаковским мужской прогимназии с пансионом в Верном для казахских детей, где отучился сам Тынышпаев. В Семиречье Колпаковским, в его бытность военным губернатором, открыты городской музей, больница, приюты, типография, ботанический сад, зоопарк; благодаря инициативе и подвижнической деятельности губернатора в Семиречье работали экспедиции Русского географического общества, Вольного экономического общества, институтов естествознания и др. Колпаковский, позже став генерал-губернатором Степного края, открыл прогимназию для казахов и в Омске. Аналогичное заведение было открыто генералом Кауфманом в Ташкенте. Однако эти учебные заведения были закрыты после ухода Колпаковского и смерти Кауфмана. Роль и вклад данных персонажей в Туркестанский край и Семиреченскую область были значительными. Выделяя данный период — 1867–1889 гг. — как «отдельную эпоху», автор показаний приводит факты справедливого, на его взгляд, решения проблем коренного, местного населения первым военным губернатором Семиреченской области генералом Г.А.Колпаковским и генерал-губернатором Туркестанского края Кауфманом. Тынышпаев приводит факты, когда оба чиновника решают земельные проблемы в пользу местного населения, увидев притеснения со стороны переселенцев. В частности, Колпаковский, находя, что Семиреченскому казачьему войску отведена слишком большая площадь земли, в 1870-х гг. создает в Лепсинском уезде комиссию по разграничению земель и возвращает казахам Лепсинского уезда около 100 тыс. десятин земли. Причем данную проблему автор знает не по формальным отчетам, не со стороны, а, что называется, «изнутри», так как на одном из возвращенных участков находилась зимовка его отца. Кауфман в 1880-х гг., находя, что казахи стеснены пастбищными угодьями, издает циркуляр, по которому после 1 октября казахи получали разрешение безвозмездно пасти свой скот на казахских землях. И Тынышпаев отмечает, что «таких примеров забот о киргизах во времена управления краем генералов Кауфмана и Колпаковского очень много». На основании этих свидетельств можно сделать вывод о том, что данные российские чиновники в своей деятельности руководствовались принципом «не навредить» колонизируемому Краю и сохранить стабильность на управляемых ими землях.

Однако после 1889 г., после ухода Г.А. Колпаковского, ситуация стала меняться. Этот период — с конца 1880-х гг. до 1905 г. — М.Тынышпаев выделяет как переходный. Он пишет, что «в крае начали появляться темные лица, которые и стали эксплуатировать простодушных киргиз» [9; 31, 32]. С 1906 г., после появления С.Н.Велецкого в Переселенческом управлении в Семиречье, началось активное давление на казахов, как экономического, так и политического характера. Активизация переселения, изъятие участков у казахов, земельные притеснения, многочисленные поборы, дискриминация и др. осложняли и без того непростую ситуацию. Резкое ухудшение положения казахского населения отмечал и А.Букейханов, причем он преимущественно рассматривает положение дел в степных областях. Только за один 1907 г. под переселенческие участки, отмечал А.Букейханов, отчуждено в Казахской степи 810 тыс. десятин, в том числе в одной Акмолинской области 510 тыс. десятин, падающих главным образом на северные уезды области, где земельная теснота довела киргиз, говоря канцелярским языком, «до сопротивления властям» [3; 71].

Причем факты столкновений казахов с переселенцами встречались все чаще, судебные учреждения имели дело со случаями убийств на почве поземельных столкновений. И в качестве примера А.Букейханов приводит факт побоища между казахами и крестьянами в Петропавловском уезде в июне 1906 г. В этом столкновении принимали участие сотни вооруженных переселенцев и казахов, в результате — несколько убитых с той и другой стороны.

Переселенческое управление, изымая земли у казахов, перестает считаться с их интересами. Между кочевниками и переселенцами теперь достаточно регулярно возникают многочисленные тяж-

бы в связи с захватом земель, границами владений и т.д. Все решения судов и администрации оказывались на защите интересов переселенцев. Вот один из примеров видения проблемы М. Тынышпаевым: «Дела между киргизами и некиргизами (русскими, татарами или сартами) администрацией большей частью решались не в пользу киргиз; по разным заведомо ложным обвинениям киргиз крестьянами, казаками и т.д. у мировых судей киргизы часто проигрывали правые дела, очень возможно, что за плохое знание или подкупность переводчика, или что-нибудь еще другое; но простой народ не может разбираться в таких деталях и склонен приписывать тому, что, мол, «русский чиновник всегда стоит за русского» [9; 38].

Подтверждает подобные факты и ротмистр отдельного корпуса жандармов В.Ф.Железняков: «После присоединения Семиречья возникли неправильные экономические и правовые отношения между русскими пионерами и туземцами, между русской властью и туземцами. Русская власть в крае, в лице военной администрации, уездных и участковых начальников, управляла своими районами при посредстве нагайки и вообще физического воздействия, мало заботясь о поддержании русского имени и престижа русской культуры» [10]. В октябре 1915 г. ротмистр В.Ф.Железняков докладывал товарищу министра внутренних дел С.П.Белецкому о настроении населения в Семиреченской области: «Переселенческое управление постепенно отбирает киргизские земли для колонизации края переселенцами из внутренних губерний, стесняя киргиз в скотоводстве и вместе с тем не устраивая их на оседлую жизнь, что вызывает в среде кочевого населения области некоторый ропот на распоряжения властей об отторжении части их кочевий, а с другой — вражду к русским новоселам, водворяемым на этих кочевьях, тем паче, что последние своим поведением по отношению к киргизам еще более усугубляют эту вражду» [6; 92].

В фондах Центрального государственного архива РК имеется заявление казахов Верненского уезда на имя Туркестанского генерал-губернатора, датированное 17 октября 1916 г., где они пишут, что в выступлениях казахов «земельные стеснения, с одной стороны, и система управления киргизами — с другой, являются основными причинами нынешних печальных событий. В земельном отношении киргизы стеснены в последние 10 лет в высшей степени: образованное в области переселенческое управление с 1908–1909 гг. производило изъятие киргизских земель... усиленным темпом» [11].

Таким образом, главной причиной национально-освободительного движения казахов в 1916 г., на наш взгляд, следует считать колониальную политику российских властей, прежде всего ее аграрную и переселенческую составляющие. Для кочевников главным условием нормальной жизнедеятельности их хозяйств всегда являлась земля, потеря ее или же значительное сокращение пастбищ лишали кочевников возможности выживания (особенно это важно, учитывая экстенсивный характер скотоводства казахов и аридные условия степных пространств Казахстана). Массовые земельные изъятия у кочевников неизбежно должны были, в конечном итоге, привести к социальным протестным движениям казахов. Но аграрная и переселенческая политика не являлись единственной причиной. При анализе причин национально-освободительного движения 1916 г., на наш взгляд, необходим системный подход, что требует выявления всего комплекса причин.

Начавшаяся Первая мировая война усугубила бедствия казахов (увеличение налогов в 3–4, а в отдельных случаях до 15 раз, инфляция, падение аграрного производства и др.). По данным генерал-губернатора А.Куропаткина, только из Туркестанского края в течение войны отправлено для армии грузов: хлопка — 40 899 222 пуд., кошмы — 38 004 кв. арш., хлопкового масла — 3 109 тыс. пуд., мяса в заготовке — 300 тыс. пуд., рыбы — 473 928 пуд., лошадей — 70 тыс., верблюдов — 12 797, юрт — 13 441 шт.; пожертвовано населением на нужды войны 2 400 тыс.руб. [12; 330]. Война и тяготы, связанные с ней, резко обострили экономические проблемы. Сосредоточение в Туркестане пленных, а затем прибытие беженцев (с июля 1915 г.), которых к 1916 г. насчитывалось до 70 тыс., привели к продовольственному и жилищному кризису [13].

Еще одной из причин, названных в показаниях Железнякова, стали бесконечные поборы с казахского населения, особенно увеличивавшиеся в период Первой мировой войны и осуществлявшиеся всеми, кто имел отношение к власти. Местная русская администрация призывала казахов к жертвованиям деньгами, юртами, кошмами и др. И если первоначально эти жертвования осуществлялись охотно, то позже они, как пишет Железняков, «приняли форму вымогательства», «выколачивались», «были злоупотребления туземной администрации, которая часть жертвований утаивала себе». Вымогательства осуществлялись не только со стороны администрации, но и со стороны полиции и жандармов. Железняков говорит о негативной роли Верненского полицмейстера штабс-ротмистра Поротикова, «человека умного и ловкого, но не отличавшегося честностью», ставшего близким, до-

веренным человеком, способного оказывать сильное влияние на губернатора генерал-лейтенанта Соколова-Соколинского (Фольбаума) и создавшего в области систему вымогательства. И как результат этих вымогательств — «злоба росла, и эта злоба была... слагаемым мятежа» [12; 133].

Причинами, вызвавшими вооруженный протест казахов в Семиречье и других районах, являются также и активное давление, набеги, незаконные изъятия скота и другого имущества казахов со стороны переселенцев. Железняков отмечает эти факты, ставшие нормой и вызывавшие выступления казахов. «После аграрных беспорядков в Европейской России самый худший элемент — разнузданная, малоспособная к упорному труду, слабая по своим хозяйственным инстинктам масса ринулась на окраины, в том числе и Семиречье, получая бесплатно здесь землю. Однако те требования, которые предъявили переселенцы, в массе считавшие, что им должны дать все для их обеспечения сразу, стали во враждебные отношения к туземцам» [10]. Причем не впервые в своих докладных записках ротмистр отмечает необоснованные претензии и требования новоселов к власти и местному населению. «Переселенцы выискали источник постоянного дохода с киргиз. Киргизские пастбища были рядом с землями новых переселенцев, начались форменные набеги на скот туземцев. Его отбирали от пастухов с киргизской земли, гнали в поселок, а приехавшим за скотом киргизам заявляли, что скот взят за поправу на земле, принадлежащей поселку, и требовали за поправу деньги: 1, 2, 3 рубля с головы. Все это обостряло отношение киргиз к русским поселенцам... Отношение русских к киргизам было третьим слагаемым к мятежу, и оно вызвало ту жестокость, которую проявили киргизы к русскому населению, главным образом к новоселам, поселки которых они жгли, уничтожая хозяйство и расправляясь с людьми самым свирепым образом» [12; 131].

Еще одной из важных, на наш взгляд, причин является некомпетентность, равнодушие большинства представителей российской администрации, как генерал-губернаторов, так и военных губернаторов, в период с 1880-х по 1916 г. Проанализируем состав генерал-губернаторов Туркестанского края. Если в Крае Г.А. Колпаковский работал около 23 лет, а К.П. Кауфман почти 16, и в текущей ситуации, в проблемах региона, проблемах местного (коренного и переселенческого) населения они ориентировались достаточно хорошо, то за последние 34 года (с 1882 по 1916 гг.) в Туркестане сменились 12 генерал-губернаторов. После К.П.Кауфмана (1867–1882 гг.) пришел М.Г.Черняев (1882–1884 гг.), затем Н.О.Розенбах (1884–1889 гг.), А.Б.Вревский (1889–1898 гг.), С.М.Духовской (1898–1901 гг.), Н.А.Иванов (1901–1904 гг.), Н.Н.Тевяшев (1904–1905 гг.), Д.А.Субботич (1905–1906 гг.), Н.И.Гродеков (1906–1908 гг.), П.И.Мищенко (1908–1909 гг.), А.В.Самсонов (1909–1914 гг.), Ф.В.Мартсон (1914–1916 гг.), А.Н.Куропаткин (1916–1917 гг.). Причем, за исключением Н.О.Розенбаха, А.Б.Вревского и А.В.Самсонова, все генерал-губернаторы работали в Крае всего лишь 1–3 года. Туркестанское же генерал-губернаторство являлось весьма специфичным регионом, где было представлено смешение не только разных народов (казахи, русские, сарты, киргизы, кокандцы, таджики, туркмены, каракалпаки, уйгуры, дунгане, украинцы, немцы, татары и др.), языков, традиций, но и хозяйственных укладов; для простой ориентации (не говоря уж о компетентном управлении) в этом регионе, в этом смешении народов, укладов и традиций нужны были годы, большое желание и управленческое рвение. А пришедшие в Туркестан после отставки военной службы генералы не все и не всегда отличались рвением, зачастую и не стремились вникнуть в проблемы региона.

Российский исследователь Т. Котюкова отмечает, что «в 1914 г. состав высшей администрации в Крае значительно изменился. Генерал-губернатор А.В.Самсонов в момент объявления войны находился в отпуске. В Ташкент он больше не вернулся и получил назначение на должность командующего армией на Западном фронте. Его помощник — генерал от инфантерии В.Е.Флуг последовал за ним. На фронт также были направлены начальник Закаспийской области генерал-лейтенант Л.В.Леш, губернатор Самаркандской области генерал-майор И.З.Одешелидзе. Ушли на фронт и кадровые части ТуркВО. Новым генерал-губернаторам Края в 1914 г. был назначен генерал от инфантерии Ф.В.Мартсон, которому шел 62-й год и который был серьезно болен. На своих должностях остались уже отошедшие от строевой службы военные губернаторы Сырдарьинской, Ферганской и Семиреченской областей — генерал-лейтенанты А.С.Галкин, А.И.Гиппиус и М.А.Фольбаум, многие годы прослужившие в крае. Эти кадровые изменения также сказались на принятии административных решений и дальнейшем развитии ситуации» [13].

Для иллюстрации данных выводов приведем отрывок из дневника А.Н.Куропаткина (от 23 июля 1916 г.), где он характеризует туркестанских чиновников: «Вчера у меня сидел генерал Покотилло, недавно бывший в Туркестане и хорошо его изучивший. По его словам, там положение создилось

серьезное. Власть в плохих руках... Мартсон, и.о. генерал-губернатора, развалился. Сыр-Дарьинский военный губернатор Галкин каждый день пьян. Самаркандский Лыкотин — слепой. Ферганский — Гиппиус — с гвоздем. Закаспийский — Колмаков — слаб, безволен. Семиреченский — Фольбаум лучше других. Правитель канцелярии Ефремов, который вертит все дела, очень подозрителен и, кажется, нечисто ведет дела. Помощник генерал-губернатора Ерофеев очень неподготовлен... Низшая администрация берет взятки. Народ в кабале» [14].

Ухудшалось положение казахского населения еще в силу ряда причин, ставших последней каплей в их чаше терпения. Взятки и поборы, злоупотребления и незаконные действия становятся характерными чертами для всех иерархий власти: от волостных управителей до губернского уровня.

Судебный следователь Верненского окружного суда 16 ноября 1916 г. проводил допрос ротмистра отдельного корпуса жандармов В.Ф.Железнякова о причинах и ходе восстания в Семиреченской области. В ЦГА РК имеется данный протокол допроса В.Ф.Железнякова на 17 листах, позволяющий ознакомиться с выводами человека, собиравшего сведения, наблюдавшего за ситуацией на местах и лично докладывавшего о событиях 1916 г. властям — от уездного и губернского уровня до помощника министра внутренних дел. Позволим себе достаточно подробно привести это мнение, на наш взгляд, отличающееся значительной степенью взвешенности и определенной объективности. Железняков отмечает, что «все управление киргизами выражалось в самых невозможных и беззастенчивых поборах. Глядя на них также действовали подчиненные им чиновники. Все свои дела упомянутые администраторы вели через «почетных» или «манапов», потакая им во всех поборах... Деньги брались за все, за проведение волостных управителей, за справки, за административное решение вопросов, наконец, просто за приезд в волость. Берут и теперь, но теперешние времена не те и приемы взятки стали другие... На выборы (волостных управителей, судей. — З.С.) тратятся большие деньги, причем сумма, идущая на угощение и подкуп выборщиков, иногда достигает нескольких десятков тысяч рублей. Должностные лица туземной администрации, после получения должностей, начинают выколачивать из бедняков эти деньги с хорошими процентами... Произошло как бы молчаливое, ныне вошедшее в обычай, соглашение между русской и подчиненной ей туземной администрацией. Русская администрация предъявляет известные требования к туземной, а туземная исполняет это требование, применяя подчас самые незаконные способы». Итак, по мнению Железнякова, одной из причин протеста стали злоупотребления со стороны русской администрации и местных властей. Он так и резюмирует: «эти поборы, это некорректное отношение чиновничества к туземцам и туземной администрации было одним из слагаемых...» [10; 78–79]. Причем взятки, как уже отмечалось, становятся нормой для звеньев управления: волостного, уездного, областного, губернского. М.Тынышпаев пишет, что «редкого из уездных начальников мог видеть, лично не уплатив переводчику мзду за устройство такого свидания» [9; 37].

И, проанализировав все эти обстоятельства, свидетель Железняков делает вывод, что «все перечисленные выше слагаемые создали ту почву и то настроение, которые после сильного толчка, выразившегося в неожиданном призыве рабочих, неправильно понятого, привели к мятежу туземцев киргиз и кара-киргиз» [10; 82].

В архивных материалах отслежен еще ряд моментов, которые Железняков не включает в качестве «слагаемых», но они, безусловно, не только могут, но и должны быть выделены в качестве причин массовых выступлений казахов в 1916 г. Указ от 25 июня 1916 г. и практика его реализации в Крае катализировали выступления казахского населения. Данные фрагменты могут быть представлены лишь как коэкзистенциальное целое, не как иначе. Указ был принят в июне, в разгар сезонных сельскохозяйственных работ, осуществлялся в краткие сроки, игнорируя разбросанность кочевых аулов на обширных территориях, без предварительной работы по разъяснению цели мобилизации среди казахов; не учитывалось, что казахское население никогда не подвергалось мобилизации ни на воинскую повинность, ни, тем более, на тыловые работы.

По разверстке Генштаба на тыловые работы планировалось набрать из Казахстана и Средней Азии 400 тысяч человек, в том числе из всех областей, населенных казахами, около 240 тысяч «тыловиков». Фактически каждое третье хозяйство теряло молодого и сильного работника, с учетом, что общее число казахских хозяйств в Крае составляло немногим более 700 тысяч [15]. Цифры по количеству мобилизованных тыловиков расходятся в исследованиях. С.Асфендиаров называет цифру в 150–180 тысяч казахов [16]; по мнению А.Букейханова, численность тыловых рабочих, реквизируемых из Казахстана, составила около 100–120 тысяч человек. В отчете генерал-губернатора

А.Н.Куропаткина указано, что из Туркестанского края к 1 февраля 1917 г. отправлены 120 тысяч рабочих для тыловых работ [14].

В августе 1916 г. состоялось частное совещание казахов Тургайской, Уральской, Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областей с разрешения и с открытия собрания тургайским губернатором. На совещании присутствовали лидеры национального движения А.Букейханов, М.Дулатов и др. Протокол данного совещания позволяет понять позицию, высказанную национальной интеллигенцией. На данном совещании ими также были отмечены причины, спровоцировавшие в дальнейшем вооруженные выступления в Степи. Указ от 25 июня 1916 г. стал известен казахам в форме объявления местных властей, в то время, как отмечают присутствовавшие на совещании, «местная власть в спешном порядке стала приводить в исполнение высочайшее повеление. В неподготовленности населения и в чрезвычайной спешности, местами грубости и злоупотреблении в действиях властей кроется корень до сих пор бывших и ставших известными недоразумений и трений» [17].

То есть как одну из важнейших причин восстания 1916 г. необходимо назвать не только указ от 25 июня 1916 г., а, прежде всего, практику реализации данного указа, формы и методы этой реквизиции. Ухудшали ситуацию действия местных властей, совершавших не только ошибки, но зачастую и откровенные злоупотребления при составлении списков призывников. В своих показаниях по делу о восстании 1916 г. М. Тынышпаев приводит факты таких злоупотреблений и «ошибок». Например, по «кызылборукскому делу» в Верненском уезде — деятельность временно исполняющего должность помощника уездного начальника волости Хлыновского, арестовавшего без причины (в качестве превентивной меры) наиболее влиятельных казахов при проведении компании по мобилизации; по «ботбаевскому делу» в этом же уезде — злоупотребления при составлении списка рабочих со стороны управителя Абдыгалия Курбангалиева, не включившего в списки тыловиков своих сторонников, но поголовно включившего в список родственников своего противника. Пристав Гилев не принял жалобу на управителя и привел вооруженных людей нижних чинов [9]. Такого рода проблем и примеров более чем достаточно зафиксировано и в архивных фондах.

Национально-освободительное движение 1916 г. охватило весь Казахстан. В справке, составленной генерал-лейтенантом бароном Таубе о выступлениях казахов и мерах их подавления в период с 7 июля по 5 сентября 1916 г. приведены цифры по количеству «скопищ киргиз», как зафиксировано в документе, в некоторых областях и уездах. В частности, в Зайсанском уезде — несколько групп, более 1 000 человек каждая, в Семипалатинском — около 7 000 человек, в Усть-Каменогорском — несколько групп, некоторые из них до 3 000, в Акмолинском — до 30 000 человек, у Ерментауских гор — до 5 000 тысяч, в Атбасарском — более 7 000 [9; 647].

К концу 1916–началу 1917 гг. восстание было жестоко подавлено. В Семипалатинской и Акмолинской областях против восставших действовали 12 кавалерийских сотен, 11 усиленных пехотных рот, в Тургае — экспедиционный корпус в составе 17 стрелковых рот, 18 казачьих сотен, 4 кавалерийских эскадронов, 18 орудий, 10 пулеметов и др., в Семиречье — 95 рот в 8750 штыков, 24 сотни в 390 сабель, 16 орудий и 47 пулеметов. Карательными экспедициями были уничтожены десятки казахских аулов. Около 300 тыс. казахов и киргиз (одна четвертая часть коренных жителей) бежали в Китай [15; 649]. Карательные экспедиции уничтожали не только повстанческие отряды, но и мирное население, не участвовавшее в вооруженных выступлениях. Количество местного населения, расстрелянного и погибшего от рук карательных отрядов во время столкновений с переселенцами, до сих пор не установлено.

Подводя итоги, следует выделить ряд причин национально-освободительного движения 1916 г. в Казахстане: аграрная и переселенческая политика Российского государства в национальных окраинах; ухудшение социально-экономического положения коренного населения, увеличение налогов в ходе Первой мировой войны; разложение системы российского управления (областного и губернского уровня); некомпетентность и равнодушие к проблемам местного населения; злоупотребления и мздоимство чиновников низового звена (от аульного до уездного); указ о реквизиции от 25 июня 1916 г., формы и методы его реализации. Данный комплекс причин и привел к точке кипения в событиях 1916 г.

Список литературы

- 1 *Брайнин С., Шафиро Ш.* Восстание казахов Семиречья в 1916 г. — Алма-Ата: Казкрайиздат, 1936. — 104 с.; *Асфендиаров С.Д.* Национально-освободительное восстание 1916 года в Казахстане. — Алма-Ата: Казахстанское краевое изд-во, 1936. — 150 с.; *Турсунов Х.* Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. — Ташкент: Гос. изд-во Узбекской ССР, 1962. — 426 с.; *Сулейменов Б.С., Басин В.Я.* Восстание 1916 г. в Казахстане. — Алма-Ата: Наука, 1977. — 166 с.
- 2 *Козыбаев М.К.* Еще раз о проблемах истории национально-освободительного движения в Казахстане // Казахстан на рубеже веков: размышления и поиски. В 2 кн. Кн. первая. — Алматы: Ғылым, 2000. — 396 с.
- 3 *Котюкова Т.* Восстание 1916 г. в Туркестане: ошибка власти или историческая закономерность? // Обозреватель-Observer. — 2011. — № 8. — С. 98–126; *Васильев А.Д.* К вопросу о внешнем влиянии на события 1916 г. // Цивилизационно-культурные аспекты взаимоотношений России и народов Центральной Азии в начале XX столетия (1916 год: уроки общей трагедии): сб. докл. Междунар. науч.-практ. конф. — М.: [б.и.], 2016. — С. 108–113; *Баринев И.И.* Германская стратегия в Центральной Азии в годы Первой мировой войны // Цивилизационно-культурные аспекты взаимоотношений России и народов Центральной Азии в начале XX столетия (1916 год: уроки общей трагедии): сб. докл. Междунар. науч.-практ. конф. — М.: [б.и.], 2016. — С. 114–118.
- 4 Национально-освободительное движение в Казахстане и Средней Азии в 1916 г.: Материалы междунар. науч.-теор. конф. — Алматы, 1996; *Козыбаев М.К.* Еще раз о проблемах истории национально-освободительного движения в Казахстане // Казахстан на рубеже веков: размышления и поиски. В 2 кн. Кн. первая. — Алматы: Ғылым, 2000. — 396 с.
- 5 Материалы по земельному вопросу Азиатской России. Вып. 1. Степной край / Сост. *В.А.Тресвятский*. — Петроград, 1917. — 260 с.
- 6 Россия и Центральная Азия. 1905–1925 гг.: сб. документов / Авт.-сост. *Д.Аманжолова*. — Караганда: Изд-во КарГУ, 2005. — 495 с.
- 7 *Букейханов А.* Киргизы // Избранные произведения. — Алма-Ата: Қазақ энциклопедиясы, 1995. — 478 с.
- 8 *Тынышпаев М.* Киргизы и освободительное движение // История казахского народа. — Алма-Ата: Казак университеті, 1993. — С. 20–29.
- 9 *Тынышпаев М.* Его превосходительству господину Туркестанскому генерал-губернатору // История казахского народа. — Алма-Ата: Казак университеті, 1993. — С. 29–49.
- 10 ЦГА РК. Ф.797. Оп.1. Д.45. Л.75-83.
- 11 ЦГА РК. Ф.77. Оп.1. Д.25. Л.43-44.
- 12 Грозный 1916-й год: сб. документов и материалов. — Алматы: Казахстан, 1998. — 422 с.
- 13 *Котюкова Т.* Восстание 1916 г. в Туркестане: ошибка власти или историческая закономерность? // Обозреватель-Observer. — 2011. — № 8. — С. 98–126.
- 14 Из дневника *А.Н.Куропаткина*. 1916 г. — [ЭР]. Режим доступа: http://drevlit.ru/docs/central_asia (дата обращения 10.08.2015 г.); Восстание 1916 г. в Средней Азии // Красный архив. — 1929. — Т. 3 (34). — С. 39–45.
- 15 История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В 5 т. — Т. 3. — Алматы: Атамұра, 2000. — 768 с.
- 16 *Асфендиаров С.Д.* Национально-освободительное восстание 1916 года в Казахстане. — Алма-Ата, 1936. — 150 с.
- 17 ЦГА РК. Ф.380. Оп.1 Д.1. Л.49.

З.Г. Сактаганова

Ұлт-азаттық қозғалыстың 100 жылдығына: 1916 жылғы қазақтар көтерілісінің себептері туралы

Мақалада деректік материалдардың негізінде Қазақстандағы 1916 жылғы ұлт-азаттық қозғалыстың себептері талданды. Олардың арасында негізгі ретінде автор ұлттық шеткері аймақтардағы ресейлік мемлекеттің аграрлық және қоныстандыру саясатын; жергілікті халықтың әлеуметтік-экономикалық жағдайының нашарлауын; Бірінші дүниежүзілік соғыс барысында салықтардың көбеюі; ресейлік басқару жүйесінің (облыстық және губерндік деңгейдегі) кенеюі, шенеуніктердің жемқорлығы және қызметін пайдалануы; 1916 ж. 25 маусымдағы Реквизиция туралы жарлық, оны жүзеге асырудың түрлері мен әдістерін бөліп көрсетті.

Z.G. Saktaganova

To 100 anniversary of national-liberation movement: about reasons of Kazakh insurrection of 1916

On the basis of documentary materials this article conducts an analysis of reasons of the national liberation movement of 1916 in Kazakhstan. Among them author makes accent on agrarian and resettlement policy of Russian government in outskirts: aggravation of social economical state of native-born people, increase of tax during the World War I, degradation of Russian administrative system (on region and provincial level), misuse and bribery by officials; decree on requisition of June 25th 1916, forms and methods of its implementation.

References

- 1 Braynin S., Shaphiro Sh. *Rebellion of Kazakhs of Semirecheye in 1916*, Almaty: Kazkrayizdat, 1936, 104 p.; Asfendiarov S.D. *National liberation movement of 1916 in Kazakhstan*, Alma-Ata: Kazakhstan region publishing house, 1936, 150 p.; Tursunov H. *Rebellion 1916 in Middle Asia and Kazakhstan*, Tashkent: State publishing house of Uzbek SSR, 1962, 426 p.; Suilemenov B.S., Basin V.Ya. *Insurrection of 1916 in Kazakhstan*, Alma-Ata: Nauka, 1977, 166 p.
- 2 Kozybaev M.K. *Kazakhstan on the turn of centuries: thinking and search*. In two books. Book one, Almaty: Gylm, 2000, 396 p.
- 3 Kotyukova T. *Observer*, 2011, 8, p. 98–126.; Vasilyev A.D. *Civilization and cultural aspects of relations between Russia and people of Central Asia in the beginning of XX century (1916: lessons of common tragedy)*. Collection of reports of International science-practice conference, Moscow: [b.i.], 2016, p. 108–113.; Barinov I.I. *German strategy in Central Asia during World War I* // ib., p. 114–118.
- 4 *National liberation movement in Kazakhstan and Central Asia in 1916*. Materials of international science-theoretical conference, Almaty, 1996; Kozybaev M.K. *Kazakhstan on the turn of centuries: thinking and search*. In two books. Book one, Almaty: Gylm, 2000, 396 p.
- 5 Materials on agrarian question of Asian Russia, ed. 1. Steppe region, ed. V.A. Tresvyatsky, Petrograd, 1917, 260 p.
- 6 *Russia and Central Asia. 1905–1925*. Collection of documents, Auth., ed. D. Amanzholova, Karaganda: Publishing house of KSU, 2005, 495 p.
- 7 Bukeyhanov A. *Selected works*, Alma-Ata: Kazakh encyclopediasy, 1995, 478 p.
- 8 Tynyshpaev M. *History of Kazakhs*, Alma-Ata: Kazakh University, 1993, p. 20–29.
- 9 Tynyshpaev M. *History of Kazakhs*, Alma-Ata: Kazakh University, 1993, p. 29–49.
- 10 CGA RK, F.797. I.1 D.45, p. 75–83.
- 11 CGA RK, F.797. I.1 D.45, p. 43–44.
- 12 *Fearsome 1916: collection of documents and materials*, Almaty: Kazakhstan, 1998, 422 p.
- 13 Kotyukova T. *Observer*, 2011, 8, p. 98–126.
- 14 *From the diary of A.N. Kuropatkin*, 1916, [ER]. Access mode: http://drevlit.ru/docs/central_asia (date of address 10.08.2015); *Rebellion of 1916 in Middle Asia* // Red Archive, 1929, 3 (34), p. 39–45.
- 15 *History of Kazakhstan (from ancient times to present days)*. In 5 volumes, 3, Almaty: Atamura, 2000, 768 p.
- 16 Asfendiarov S.D. *National liberation movement of 1916 in Kazakhstan*, Alma-Ata: Kazakhstan region publishing house, 1936, 150 p.
- 17 CGA RK, F.380. I.1 D.1, p. 49.